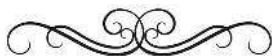

СЕРИЯ «ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ»

НАТАЛЬЯ ЖИЛЬЦОВА,
АЗАЛИЯ ЕРЕМЕЕВА
«Академия магического права»
Кн. 1 «Брюнетка в законе»
Кн. 2 «Брюнетка в защите»
Кн. 3 «Брюнетка в осаде»
Кн. 4 «Брюнетка в бою»

ЛИКА ВЕРХ
«Академия темных»
Кн. 1 «Игра на выживание»
Кн. 2 «Преферанс со смертью»

МАРГАРИТА ГРИШАЕВА
«Высшая правовая магическая академия»
Кн. 1 «Оперативные будни»
Кн. 2 «Работа под прикрытием»
Кн. 3 «Ловушка для высшего лорда»

БРОНИСЛАВА ВОНСОВИЧ, ТИНА
ЛУКЬЯНОВА
«Я ненавижу магические академии»
«Меня любят в Магической академии»

КАРИНА ДЕМИНА
«Внучка берендеева
в чародейской академии»
«Внучка берендеева.
Второй семестр»
«Внучка берендеева.
Третий лишний»

ЕЛЕНА ПОМАЗУЕВА
«Академия королевских чародеев»

ИРМАТА АРЬЯР
«Академия Тьмы и Теней»
*Кн. 1 «Телохранительница
Его Темнейшества»*
*Кн. 2. «Советница
Его Темнейшества»*

БРОНИСЛАВА ВОНСОВИЧ
«Туранская магическая академия.
Скелеты в королевских шкафах»

НАТАЛЬЯ КОСУХИНА
«ПТУ для гоблинов. Понтийский
тактический университет»
«Институт рас. Некромантки
предпочитают брюнетов»
МАРИНА СНЕЖНАЯ
«Мой демонический босс.
Академия тайных знаний»

НАСТЯ ЛЮБИМКА
«Страж огня. Академия
Сиятельных»

ОЛЬГА ВАЛЕНТЕЕВА
«Факультет чудовищ»
«Факультет чудовищ. Грабли для
профессора»

ЕКАТЕРИНА ФЛАТ
«Факультет уникальной магии»

АЛЕКСАНДРА ЛИСИНА
«Академия высокого искусства»
Кн. 1. «Адептка»
Кн. 2 «Магиня»

ВИКТОРИЯ СВОБОДИНА
«Лучшая академия магии. Попала
по собственному желанию»

АНЯ СОКОЛ
«Первый ученик»

РОЗАЛИНДА ШТОРМ
«Академия магических близнецов»

КУПАВА ОГИНСКАЯ
«Прикладная некромантия.
Записки между страниц»

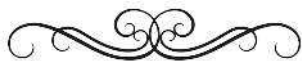
МСТИСЛАВА ЧЕРНАЯ
«Наследница Тумана. Академия
магии при Храме всех богов»

КАРИНА ДЕМИНА

ВНУЧКА БЕРЕНДЕЕВА.
ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д30

Серийное оформление — *Василий Половцев*

Иллюстрация на обложке — *Дарья Родионова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Демина, Карина.

Д30 Внучка берендеева ; Третий лишний : [роман] / Карина Демина. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Волшебная академия).

ISBN 978-5-17-104365-0

Интриги завязываются. Узел скручивается. Сказка сказывается, а дело делается. И вступают в игру силы такие, с которыми Зославе не справиться. Да и кто она, чтобы самой царице пережить, пусть и пожелала та ни много ни мало, но жениха Зославиного. У внучки-то берендеевой и без Арья хлопот полон рот. И бабка с блажью своею, и Люциана Береславовна, наставница нелюбимая, и царевичи, и Кирей, и жених мертвый, который близок, да поди-ка достань.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104365-0

© К. Демина, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

ГЛАВА I

ПРО ПОХОРОНЫ

Хоронили боярыню Милославу против всяких обычаев — на седьмой день. И в Академии, хотя и поговаривали, что желают родичи тело ее забрать на погост, в склеп семейный, да не дозволено сие было царскою волей.

Отчего?

Не ведаю. Передо мною не докладвался. Да и кто я такая?

На похороны явилася.

Чего ради? Не любопытствия. Куда уж любопытствовать-то...

...плакальщиц наняли. И пусть морщился Михайло Егорович, глядя на женщин в черных убранствах — на галок суматошных схожих, — но гнать не гнал.

А мужчина какой-то в кафтане цвета давленной вишни, громко и грозно выговаривал ректору. Дескать, не уберегли дорогую сродственницу и, значит, ныне повинны выплатить виру, потому как ни в какое сердце слабое оный мужчина не верит.

Убили Милославу.

Я слышала.

Да и не только я.

Уж больно громогласен был тот мужчина. И кулаками потрясал. И грозился царю жаловаться... а после вдруг сплюнул под ноги и сказал:

— Чтоб вы все провалилися со своею Академией...

Не провалилися, даже ежель правду сказал.

...а жена его, боярыня зрелых лет, но красы прежнее не растративши, никого не обвиняла, но и не плакала, и вовсе не похоже, чтоб горевала она. Но стояла горделиво, куталась в шалию из чернобурки да все головою крутила.

Выглядывала чегой-то.

Или кого-то?

КАРИНА ЛЕМИНА

— Это боярыня Красава, — сказал Кирей, меня за локоток придерживая. — С Мирославой они не больно-то ладили... она из староверов...

— Что?

— Кажется, это так называется? Дед ее, помнится, все горевал, что, мол, старые заветы отходят... вон, гляди, стоит. Он Мирославу на дух не выносил. Не потому, что плохая, но не дело это — девке из терема выходить. Кстати, у самой Красавы дар имеется, и немалый. Пожелай она, стала бы магичкой... — Кирей указал на сухого старика.

Тот, обряженный в простое платье, гляделся бы бедно, если б не посох, который старик сжимал так, что пальцы побелели. Посох этот резной, высокий — куда выше старика — был украшен красными и синими камнями. А мне вспомнилось, что сказывали про староверов... кто?

Не ведаю.

Но будто бы живут оне по заветам прежним, свято блюдут слова, писанные в грамотах, про которые бают, что дадены оне были самою Божиней. Но же ж разумному человеку ведомо — недосуг Божине над грамотами сидеть да законы писать.

Тем паче, что порою законы оные зело жестоки.

— ...его бы воля, он бы Мирославу на костер отправил. — Кирей на старика глядел поверх моей головы, и чуялось мне, что взгляд этот — недобрый. — Или на кучу муравьиную, медом обмазавши...

Старик повернулся.

И алым полыхнули глаза его.

— Матушка сказывала... — Кирей замолк. — Не важно, Зослава. Главное, что нечего ждать от него добра...

Лицо старика искривилось.

Он вытянул руку.

— Порок... — голос его был громок, и люд, до того гомонивший, смолк. А у меня по спине мурашки побегли. — Порок вокруг...

— Где? — Еська руку поднял и под нее заглянул. — Мерещится вам, дедушка... ой, мерещится... нема тут порока.

И под левую заглянул.

— И тут нема... Ерема, у тебя есть?

Тот покачал головой.

ВНУЧКА БЕРЕНДЕЕВА. ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

— А у тебя, Емелька?

Емельян покраснел густо, неудобственно ему было, что на похоронах Еська скоморошествует.

— И у тебя, стало быть, нету... а ты, Лис?

Елисей головой мотнул и попятился, точно желая спрятаться за широкими плечами Егора.

— Видите, дедушка, нет ни у кого порока...

Старик, против ожиданий, не разозлился. Но поднял посох в правое руке, а левую вытянул, раскрыл ладонь.

— Вор куражится, — молвил он, глядя на Еську в упор. — Да на любую шею петля найдется.

И пальцы вытянул, будто в горло желая вцепиться. А Еська вдруг побледнел, за шею схватился. Но старик рукой тряхнул, отпуская, а сам к Елисею повернулся.

— Волку не место среди людей...

А дальше я не поняла, что он сделал.

Только Елисей упал вдруг на колени и зашелся кашлем. Он выгнулся.

Вцепился когтями в землю.

Задыхаясь. Захлебываясь...

— Папа! — взвизгнула Красава и, сжав плечо, что-то зашептала. И супруг ее в посох вцепился, но вырвать из сухих сморщенных пальцев не сумел.

А Еська повис на Еремином плече. Сам бы не справился, не удержал бы близнюка, но Емельян помог, да и Евстигней заступил дорогу.

— Нехорошо, дедушка, — сказал он, в глаза старику глядя. — Не в вашей ли книге писано: не судите, да не судимы будете. А вы и судить, и казнить беретесь.

— Ты...

Елисея отпустило.

Он сел, отщипывая руками горло. Поднялся, за брата цепляясь. И сказал тихо:

— Поперхнулся... немного.

— Ага. — Лойко только руку на пояс положил, и мне подумалось, что благо, на поминки с саблей и иным оружием являться невозможно, а то б была бойка. — Поперхнулся... чуть нутро не выплюнул.

КАРИНА ЛЕМИНА

— Крепко поперхнулся, — ответил Елисей, уголками губ усмехаясь. И красную слюну рукавом отер. — Идем, Еремка.. а то что-то... кашлять охота. Не застудиться бы.

Ерема разом успокоился.

И брата за руку взял, точно был тот мал.

— И вправду, — проворчал. — Сквозит...

След сказать, что день был самый что ни на есть весенний. Та-ким бы свадьбы гулять, когда б гуляли их не по осени, но весной. Травка зелена, расшита белым бисером звездчатки, и васильки-то в ней самоцветами, и одуванчики... небо синее. Облачка белые. Солнце разлеглось, разлилось светом.

Тепло.

Ветерок, на который Елисей пенял, и тот легонький, духмя-ный. Таким бы дышать — не надыхаться.

Старик же посох опустил.

Поманил Евстигнея.

А тот и подошел, Егора с дороги подвинувши, которому явне сия идея не по нутру пришлася. Он на деда глядел исподлобья.

— Выжил, стало быть, — от как выходило, что говорил старик навроде и не громко, а я от все слышала до самого послед-ного словечка.

— Выжил, — ответил Евстигней и голову склонил, старика разглядывая. — Я тебя знаю.

Это он сказал, не спрашивая.

— Откуда?

— А сам-то? — Дед посох повернул, и выскользнул тот меею деревянной из пальцев боярских. А на Красаву и вовсе глянул с прищуром, она и отошла.

— Не помню.

— Стало быть, судьба у тебя такая... беспамятная. — Он ус-мехнулся.

А мне подумалось, что этакого сведущего да расспросить бы с пристрастием. Подумалось и страшно стало от этаких мыслей. Неужто я всерьез живому человеку этакой муки желаю?

— А что слово святое помнишь, то им и спасешься. Иди. — Старик руку поднял и пальцы сложил знаком Вышнего круга. — Иди, а я помолюсь за грешную душу твою...

— Мою душу мне оставь. — Евстя глядел на руку эту при-стально, не мигаючи. — За нее помолюсь...

ВНУЧКА БЕРЕНДЕЕВА. ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

За кого?

Не сказал. Сам ли ведал? Нет... а старик, тот понял.

— Иные души, — молвил он веско, — и молитва не спасет... а ты, девка...

Холоден был его взгляд, что стужа зимняя.

Разом душу вспорол ножом ледяным, и больно сделалось, и дыхание перехватило.

— ...забыла, какого роду-племени... — ныне каждое слово гремело колоколом медным, и от этакого звону уши мои мало что не лопались. — Мертвяку обещалась? Душу свою бессмертную отдать...

...седая дорога.

...луна вычертила да по водам темным озера. Стылое оно. Мертвое. И в летнюю жару вода эта ледена-леденюща. Ни ветер ее не коснется, ни птица не потревожит крылом...

Пустоцветно озеро.

Бесплодно.

Курослепом берега поросли, будто золотом лживым, цветом багульниковым дурманным. Солнце пригреет, и душно становится, дурно. Вдохнешь раз — день головою маяться станешь. Вдохнешь два — и целую седмицу... вот и стерегутся соваться к черной воде что люди, что звери.

Кроме него, волею Божини над иными поставленного.

Тяжек путь пастыря.

Норовисто стадо человеческое. Сущеглупо. Падко на искусы. И потому все чаще приводят дорожки запретные к берегам.

...нынешняя шла по мосткам гордо. Позабыла, стало быть, что надлежит деве роду хорошего покорною быть, скромною. А ведь знал он ее, от малых лет, сам читал книгу священную. Сам сказывал и про мира сотворение, и про слезы Моранины черные, по миру рассыпавшиеся, и про грехи, и про спасение... всему учил.

Когда сошла?

Когда соступила с пути истинного?

Загуляла. И не покаялась, не позволила нагулянное дитя в лес отнесть, как сие Книга велит, ибо каждому, кто Слова не чужд, ведомо, что в ублюдках, без благословения Божиного рожденных, дух мертвый сидит.

... сам виноват.

КАРИНА ЛЕМИНА

... не сумел убедить. Поддался на мольбы... жалостью да спасены будете... и спас, мнилось, а вышло-то... вышло...

— Мне жаль тебя, старик, — молвила она. И ветерок подхватил темные тяжелые волосы, растянул полотном... — Ты слеп. И думаешь, тебе и вправду позволено именем ее творить подобное?

... и отец ее просил за младенчика... не сама виноватая... сна- сильничали... девка едва оклемалась... а дитя забери, глядишь, и вовсе умом повредится. Как тогда?

Разве ж не жаль тебе, пастырю, ее?

Жаль.

И вспомнить бы, что жалость порой во вред идет, но нет, не сумел... глядел на нее и кровью сердце обливало. Кому сказать, сомневаться стал в священной книге, ибо писано было, что девку, которая себя не соблюла, надлежит камнями бить до самой ее смерти.

... а про то, что девка может не виновная быть, не сказано.

Дал слабину.

Слезам уступил. И мрачному отцову взгляду... испугался, что уйдет Дуб Шератович из общины, а с ним и весь род Булгуров. Давно уж грозился он, упертый. В былые-то времена не позволили бы, сами домашние б не позволили, а ныне слово жреца — что ветер, гудят сосны, да не гнутся... нет, мнилось, малою жертвой он большое спасает. Одною душой сохраненною, отмоленной, две дюжины, которые — и думать нечего — стойбище покинувши, и веру потеряют истинную... а вышло...

... как вышло.

Опалила холодом водица.

И отшатнулась я, возвращаясь в собственный розум. Когда б не Кирей, упала б. А старик вдруг рядом очутился и, впившись пальцами — не пальцы, клещи цельные, которые костю перемолоть на раз — в руки, дернул.

— Куда лезешь, девка дурная?

А у меня мову заняло.

Объяснила б иначе, что если и лезу, то не по своей воле. Дар у меня таков, с которым никак управиться не способная. Когда б могла, неужто стала б людей и себя мучить? Но язык прилип, а в горло будто слиплось.

— Прочь поди, — раздался сзади глухой Киреев голос.

ВНУЧКА БЕРЕНДЕЕВА. ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

— Не лезь, сын чужой земли...

— Прочь. Поди.

И пальцы разжались.

— Пришел ты сюда не своей волей... тут и останешься... похоронят с почестями. — Старик теперь улыбался, и видела я, что зубы его желты, а изо рта гнилым рыбным духом несет, и так, что с трудом сдержалась я, чтоб не отвернуться.

Невежливо сие.

— Что, девка, не по нраву? — Он засмеялся и пальцы разжал. — Ничего... твой суженый куда как крепче пахнет... как мертвяк... мертвяки небось ароматными не бывают...

И подмигнул мне: мол, все-то я ведаю, что про тебя, что про стговор твой тайный, про обещание, духу неупокоенному даденое, и про все-то прочее.

А сам развернулся и пошел.

Посохом по земле стучает.

Сгорбился.

Три шага сделал, а на четвертом и сгинул, будто бы его вовсе не было. И как оно такое возможно? Я к Кирею обернулася: он-то видел старика. И значит, не примерещился он мне. А раз не примерещился, то и отмерещиться не мог бы.

— Никто не знает, что им ведомо. — Кирей плечами пожал. — Но странно... зачем он сюда явился? Без особой нужды эти и нос за оградку не высунут, а...

Договорить не успел иль не пожелал договаривать, но совпало так, что боярыня Красава собственной персонлией пред нами возникла.

— Вы извините дедушку, — сказала она ласково, а сама на меня уставилась. Глазья-то у нее круглые, что у совы, и с желтизною звериной. В волосьях темных седина проступила, а на шее складочка наметилась, стало быть, не за горами тот час, когда сменяет Красава яркое бабье убранство на темное старушечье.

Иль не сменяет?

В столицах-то старухи горазды рядиться, почище молодичины.

— Возраст сказывается... порой не в своем уме вовсе. — Она меня за ручку взяла и этак за собою потянула, а Кирей и в спину подпихнул: мол, иди, Зослава, погуляй ноне с добрым челове-

КАРИНА ЛЕМИНА

ком. — Мы уж и ласкою, и уговорами... нет, вбил себе в голову, что только ему одному ведомо, как жить праведно... а тут такое горе... такое горе...

Я оглянулася.

Все по-прежнему.

Люди.

Помост, на котором тело Милославы возложили. Укрыли белыми простынями, красною нитью шитыми. В ногах веретено положили. У головы — две чаши. С водою ключевой да караваем свежим. На голову венок воздели из цветов плетенный... и как солнце высоко поднимется, то и пустят огню.

Тут-то и костер не надобен: полыхнет от слова магического, от взгляду колдовского. До самых небес дым подымет... но не то дивно, а другое... вот был дед.

Говорил всякого.

На царевичей покушался, вреда ихнему здоровью чинил, а никто этого будто бы и не увидел. И ныне-то на нас с Красавой глядят, а и не видят.

— Это отворот, — сказала она и рученьку белую подняла. А с рученьки той бранзалеты свисают, одне золотые, а другие — костяные. — Дед мой старовер... вам, наверное, уже сказали... и, конечно, в нынешние просвещенные времена все это кажется глупостью невероятной... молитвы по пять раз на дню... по четвергам кислого молока не пить. В пятницу мяса не есть... в субботу из дому не выходить... мое детство прошло в селении, где эти заветы свято блюли...

Она шла, и люди расступались. Фрол Аксютрович взглядом скользнул и отвернулся. А Наставник вовсе на помост едино глядел... Марьяна Ивановна в стороночке стояла, выговаривала чтой-то девке дюже некрасивой, но в убранстве нарядном. Сродственница Милославина? Или так кто?

Поглядеть бы, но не получилось. Красава, увлекая меня прочь от толпы, сказала:

— Вы уж извините, Зослава, но похороны — это лишь предлог. Мы с Милославой никогда-то не ладили. Слишком уж она горда была. А с чего гордиться, если рождена она была вне брака? Вне благословения? Кровь царская? А мы, стало быть, быдло, которм она тяготилась... мой супруг — хороший человек...

... оный хороший человек ныне маялся у помоста.

ВНУЧКА БЕРЕНДЕЕВА. ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

Прел в тяжелой медвежьей шубе с алым подбоем. В шапке высокой, золотою цепью опоясанной. Стоял, не на посох опираясь, но на тросточку норманнскую, которая подле него гляделась махонькой, тонюсенькою, что веточка вишневая. И страшно стало за боярина — а ну как переломится тросточка, тут-то и полетит он кувырком.

Срам.

— ...безусловно, не лишенный слабостей. Он этим родством гордился. И обижался, что Милослава не желает его знать. А ведь именно он после смерти сестры девочку в дом принял. Не побоялся слухов...

Зачем она сие мне рассказывает?

Кто я такая?

Студиозус. Может, магичкою стану. А может, и не стану... но как бы оно ни было, не подруженька я боярыне Красаве, чтоб со мною этаким делиться.

Она ж идет.

Неспешная. Поважная... шелестят шелка тяжелые, тень боярыне под ноги ложится, густая и темная, что из дегтя литая.

— ...растил... да, я не испытывала к ней особой любви. Все же тяжело, когда дитя не свое... а я еще надеялась родить. И мнилось, будто бы она берет то, что моим детям отдано должно быть. Мы, женщины, порой ревнивы беспричинно. А как выяснилось, что у Милославы дар проявился, то и ушла она в Акадэмию... ушла и про нас забыла, как и не было прошлых лет... да... а теперь вот...

Она вздохнула, и с того вздоху сделалось мне тяжело, совестно.

Точно это я, Зослава, в оной смерти повинная.

— Покажете мне Акадэмию? — Красава повернулась ко мне. И лицо-то у нее круглое, с носом горбатеньким, что клюв. Губы тонки. Щеки плоски. Брови светлы, и не красит их боярыня углем аль сурьюмою, оттого и кажется, что бровей этих будто бы вовсе нет. — Я понимаю, что это... не одобряется, но мне не хочется быть там... сердце не выдержало... сколько в этом правды?

Я отвернулась.

Чего сказать? Что не в сердце беда? Нет, я того достоверно не ведаю, а илгать — последнее дело. Этак и вовсе до сплетен всяких дойти можно.

— Не знаете? Или говорить не желаете? Или и то и другое? Что ж, Зослава.. ваше дело.. не говорите, но послушайте. Я пришла сюда, чтобы.. предупредить? Пожалуй.. или, скорее, кое о чем рассказать.. и, быть может, вы поймете, куда и к кому пойти с этим рассказом. Дело в том, что.. какое интересное растение.

Красава вдруг смолкла и остановилась перед кустом.

И я остановилась.

Растение? Обыкновенный барбарис, разве что с листочками красными, что осенью опаленными. Вона, выкинул кисти соцветий, и пусть не раскрылись пока желтоватые цветы его, но то дело спорое. Еще седмица-другая, и распустятся, поманят пчел.

— Мне бы к преподавателям, но.. как знать, кто из них веры стоит? А вы, слышала.. не важно, главное, я скажу, вы уж сами решайте, стоит ли оно веры.. а это кто? — Красава пальчиком ткнула в низенькое деревце, которое гляделось, что сосна, да и сосною было, как нам распедевывали, только крохотною, мне до колена. — Надо же.. удивительно.. а у нас сосны стоят вековые.. я, когда маленькая была, думала, что по этой сосне до самых небес добраться можно. Или даже до ирия.. и белку одну прикормила. Думала, передам с нею родителям записочку малую, чтоб знали они, что все-то у меня хорошо.. я рано осиротела..

Она присела и ласково погладила сосенку.

— Вам это знакомо, конечно.. ваши родители на поле полегли, а мои.. мои просто исчезли однажды. Так мне сказали. Это уже позже я поняла, что.. от старости отец. Ему почти восемьдесят было. А матушка следом пошла. Она слово Божиного крепко блюла.. старая вера жену следом за мужем отправляет.

Боярыня глядела снизу вверх, и в глазах ее мне виделась тоска, еще та, давняя, с которой мне самое хорошо ведома.

— Когда я узнала мне было четырнадцать. Мне бы не сказали, случайно вышло.. мой дядька с дедом спорил. И в сердцах сказал, что тот маму убил, верой этой убил, что ей бы жить и жить.. шестнадцать всего было, когда на погребальный костер взошла.. у нас рано принято женщин замуж отдавать.

Она коснулась желтого одуванчика, травы простой и норовистой, помнится, ежель расползется она по огороду, то никакою силою ее не выведешь, хоть ты денно и ночью поли-выпальвай.

ВНУЧКА БЕРЕНДЕЕВА. ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

Нет, одуванчиков я не любила.

Правда, из корней их снадобье хорошее супротив кашлю выходит. А из цветов иные умелицы и варение варют, но то — не для меня. Да и сказать, одуванчик же ж горький, так какое варенье-то?

— Из-за этого они и разругались с дедом. Тот вздумал меня замуж выдать. Третьей женой... за старика... а дядька воспротивился... кричали. Разбудили. Тут-то... наверное, именно тогда я и начала сомневаться. Не сама... сначала дядька... он сказал, что эта вера слишком жестока... что Божиня не может обречать своих детей на слезы, на муку... и я запомнила. Утром мы уехали. Дядя с семьей... и я... он сумел устроиться. Теперь я понимаю, что это сродни чуду. Кому мы нужны были здесь? А он сумел. И мне нашлось место в его доме, за что я ему буду век благодарна. Он не делал разницы между мной и своей дочерью... и так получилось...

Боярыня поднялась с колен и отряхнула прилипшие к подолу травинки.

— Это все сложно. Дела у него пошли хорошо. Наверное, у него было, что предложить, иначе... нам пожаловали дом в столице. Поместье. Земли... да и вовсе... а после моя сестра... я всегда считала ее сестрой... стала царицей.

Она выдохнула, будто бы сказать сие было тяжело, и обернулась.

— Она... она не была чудовищем... а когда стала... я не знаю всего, слава Божине. И знать не желаю. И вовсе, быть может, все, что о ней говорят, — это слухи... сложно... не знаю, с чего сказывать... однажды она просто исчезла. Ненадолго. Дядька мой сказал, будто бы отправил Межену в поместье, что столичный воздух ей вреден. Но я видела, он лжет... это дар — ложь распознавать. Останься я в деревне, его бы лишили. Женщине ни к чему дар. Ей путь предопределен. Служить. Отцу. Мужу. Детям. Рожать... и молиться, чтобы молитвой очистить душу, которая к искусам слаба. — Красава вытащила из рукава платок расшитый. — Но дядька не стал запирать мой дар. Он его использовал в делах. Бывало, приведет человека, сядет с ним говорить, а я за ширмою. Затаюсь. Слушаю. А потом расповедаваю дяде, когда гость правду говорил, а когда — лукавил. Многое я тогда услышала. Сперва-то по малолетству не больно пони-